

Право на жизнь и «автономия личности»

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу *Ламбер и другие против Франции*

Анатолий Ковлер*

Критически анализируется недавнее Постановление Европейского Суда по правам человека по известному делу *Ламбера*, в котором поднята проблема прекращения лечения парализованного больного ввиду «необоснованного упорства в лечении». В данном деле столкнулись два права: право человека на охрану его жизни государством и волеизъявление больного, якобы высказанное им в других обстоятельствах, о нежелательности продления агонии. Проблема усугублялась неясностью национального закона.

→ *Европейский Суд по правам человека; Право на жизнь; активная и пассивная эвтаназия; биоэтика*

Дело *Ламбер и другие против Франции* — одно из самых резонансных дел последних лет, рассмотренных Европейским Судом по правам человека (*далее* — Суд). Оно вновь возбудило дискуссии, развернувшиеся вокруг постановления по делу *Претти (Pretty v. United Kingdom)*, 29 April 2002), в котором речь шла о праве выбора исполнителя воли заявительницы (в том конкретном деле — супруги) уйти из жизни перед лицом стремительной деградации её болезни, уже не поддающейся лечению. Тогда палата Суда единогласно пришла к заключению, что законодательный запрет на оказание содействия в самоубийстве не нарушает статьи 2 («право на жизнь») Конвенции по правам человека (*далее* — Конвенции); к тому же в Европе нет консенсуса по вопросу об эвтаназии. Постановление по делу *Ламбера* опиралось и на другие прецеденты, в которых Суд однозначно высказался за обоснованность права на усмотрение государств, запрещающих так называемую активную эвтаназию (введение медицинских пре-

паратов, либо другие действия, ведущие к быстрой и безболезненной смерти), не находя в этих запретах нарушения статей 2 и 8 (право на уважение частной и семейной жизни). И «вдруг» — зелёный свет действиям, деликатно именуемым “*abstention thérapeutique*” (therapeutic abstention), предусмотренным в национальном законодательстве, по прекращению поддерживающей терапии больного, находящегося несколько лет в бессознательном состоянии и якобы, со слов супруги, высказавшего ещё до роковой аварии нежелание оказаться в положении беспомощного больного, обречённого на «необоснованное упорство в лечении» (“*obstination déraisonnable*”) — и по иронии судьбы Венсан Ламбер был медиком и, естественно, наблюдал подобные ситуации.

Обстоятельства дела и правовые позиции Европейского Суда адекватно изложены в публикуемом пресс-релизе Суда от 5 июня 2015 года (обычно пресс-релиз составляется юристом, ведущим дело, при участии судьи-

* Ковлер Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, судья Европейского Суда по правам человека (1999–2012) (e-mail: anatolij@kovler.ru).

докладчика, либо национального судьи). По этой причине сосредоточим внимание на моментах, оказавшихся «за кадром» этого документа, а именно: некоторых, мягко говоря, недоговорённостях и противоречиях в правовых позициях Суда, выраженных большинством судей (12) Большой Палаты, и на довольно резком особом мнении меньшинства судей (5).

Итак, уже решая процессуальный вопрос о статусе заявителей (родители Венсана Ламбера, его сводный брат и сестра), Суд решил не предоставлять им *locus standi* представителей господина Ламбера, выступающих от его имени, а наделил их правосубъектностью выступать от собственного имени, но в качестве близких родственников. Пять судей меньшинства резко возразили: в недавнем румынском деле (*Centre de ressources juridiques au nom de Valentin Campeanu c. Roumanie*, 17 Juillet 2014), в котором речь шла о скончавшемся в психиатрической больнице пациенте-цыгане, Суд разрешил правозащитной организации выступить *post mortem* от имени заявителя. Суд объяснил свою позицию в румынском деле «исключительными обстоятельствами», заключив, что критерий «исключительности» неприменим в этом деле, ибо «Венсан Ламбер не скончался» (!) (см. § 101 постановления), к тому же не установлено «совпадения интересов» между заявителями (выступающими, напомним, за продолжение поддерживающей терапии) и Венсаном, якобы высказавшим свою волю не оказаться в таком положении длительной беспомощности (§ 104). Судьи-диссиденты усмотрели в этом решении отступление от позиции Суда, всегда выступавшего в защиту уязвимых категорий заявителей, позволяя их представителям, родственникам, выступать от их имени. В данном деле получается, что заявители обжалуют статью 2 о праве на жизнь от собственного имени, как будто их собственная жизнь в опасности!

Пытаясь понять позицию Суда, вспоминая, что во многих делах Суда против Турции (курдские деревни) и России («чеченские дела») Суд давал статус *locus standi* родственникам исчезнувших или погибших людей. Он также позволял родителям выступать от имени несовершеннолетних детей, включённых в число заявителей. Учитывая более чем ограниченные интеллектуальные и физические

возможности главного фигуранта дела, Суд мог бы избежать того, что он неоднократно обозначал как «излишний формализм» (*excessive formalism*). Но и адвокаты заявителей допустили оплошность, не включив Венсана в число заявителей наряду с родственниками.

Отказано в праве выступать от имени мужа и Рашель Ламбер, и его брату и сестре. Они заявлены в деле в качестве «третьей стороны».

Большое сомнение у судей меньшинства вызвала квалификация Судом части жалобы по статье 8: Суд сделал акцент не на «физической целостности» (я бы сказал — на «соматических», то есть телесных правах) Венсана Ламбера, в чём, собственно, был смысл демарша его кровных родственников, а на «личной автономии» (*autonomie personnelle*), то есть права выбора своей судьбы, как будто у находящегося несколько лет в коме есть реально такое право. В конечном счёте, высказав несколько суждений об автономии личности, Суд счёл статью 8 «поглощённой» статьёй 2 (§ 184), а статью 3 (запрет пыток) с самого начала счёл неприемлемой, так как заявители не являются жертвами нарушений этой статьи (§ 112), забыв при этом, что в турецких, российских и других делах, он сам неоднократно квалифицировал моральные страдания родственников пострадавших как нарушения статьи 3, особенно в случаях, когда это нарушение носило «длющийся характер» (*continuing violation*).

Анализ собственно потенциального нарушения статьи 2, в случае разрешения на прекращение поддерживающей терапии, был сведён Судом к анализу так называемых позитивных обязательств государства, то есть его обязанности охранять всеми доступными средствами право на жизнь лиц, находящихся под его юрисдикцией. Негативные же обязательства государства, то есть его обязанность воздерживаться от действий, могущих поставить под угрозу жизнь человека (а в данном случае речь шла именно о возможном отключении аппаратуры жизнеобеспечения) — оказались за бортом, ибо ни в законодательстве Франции, ни в действиях врачей государственной клиники, ни в позиции властей нет, по мнению Суда, намерений лишить В. Ламбера жизни. При этом Суд оговаривается, что в данном деле «речь идёт не об эвтаназии, а о прекращении лечения, которое искусственно

поддерживает жизнь» (§ 141) — позиция, против которой решительно высказалось меньшинство, заявив, что «речь идёт именно об эвтаназии, которая не хочет назвать своего имени». Более того, судьи меньшинства упрекают Суд в том, что он свёл понятие «жизни» к сугубо её биологическим аспектам.

Такое «упрощение» вызывает тем большее сожаление, что главная «интрига» дела как раз и состоит в том, что в нём столкнулись два права: право человека на охрану его жизни государством в силу его позитивных и негативных обязательств — и автономия воли, приписываемая находящемуся в беспомощном состоянии пациенту клиники, якобы пожелавшему когда-то избежать такого состояния.

Позиция Суда изложена в пресс-релизе: оказывается, по такому абсолютному праву, как право на жизнь, не подлежащему никаким ограничениям и отступлениям (статья 15 § 2 Конвенции) у государств есть «свобода усмотрения» в том, что касается принятия решений о прекращении лечения. Реплика, весьма жёсткая, судей-диссидентов: «Конечно же, в конце концов, речь идёт о косвенно благих намерениях, как раз и составляющих элемент понятия *умысел* в уголовном праве».

Наконец, ещё одно фактическое уточнение, содержащееся в тексте особого мнения: когда 10 апреля 2013 года лечащий врач отключил от В. Ламбера питание и сократил гидратацию до 500 мл, пациент пробыл без искусственного питания... 31 день и остался жив — настолько велика была в организме молодого мужчины жажда жизни. (Родители «сообщили» ему, уже впадшему в кому после аварии, что у него родилась дочь. Кто знает, возможно, что-то включилось у него в сознании...) Во всяком случае, опрошенные мною врачи сказали, что при таких условиях пациенты выживают не более 10 дней.

Суд постановил, что исполнение решения Государственного Совета Франции от 24 июня 2014 года (о законности прекращения поддерживающей жизнь терапии в отношении Венсана Ламбера) не будет нарушением статьи 2 Конвенции.

Судьи (азербайджанец, словак, грузинка, мальтиец и молдаванин) довольно резко заключают: в 2010 году при праздновании 50-летия Суда, о нём издали книгу «Совесть Европы» (она, кстати, переведена на русский

язык) — «Мы сожалеем, что Суд после такого постановления потерял право носить это определение».

Последнее. Гуманные французские законодатели внесли весной 2015 года изменения в закон 2005 года. Отныне после принятия решения медицинской коллегией (совместно с родственниками или самостоятельно) об отключении жизнеобеспечения безнадежных пациентов их будут усыплять (*dormir avant de mourir*), чтобы они не испытывали страданий от голода и жажды. Одновременно депутаты и сенаторы вычистили из текста такие выражения как «бесполезное поддержание жизни» и «эксцессивное терапевтическое усердие» как «вызывающие неоднозначную оценку в обществе». Политкорректность в Европе — превыше всего...

Post Scriptum

Номер уже верстался, когда из Страсбурга было получено письмо, направленное одним из врачей клиники, в которой находится В. Ламбер, адресованное судьям, высказавшим особое мнение по делу. Поскольку в письме не содержалось условия о его конфиденциальности, и оно получило хождение за пределами круга его адресатов, воспроизводим его полностью, опустив лишь данные об авторе письма. Очевидно, что дело *Ламбера* — это история с продолжением.

«Судьям Европейского Суда по правам человека, высказавшим особое мнение.

Уважаемые судьи Европейского Суда по правам человека,

Я пишу вам, чтобы выразить глубочайшую признательность за ваше решение по делу Венсана Ламбера. Ваше ясное понимание столь сложной ситуации было выражено в невероятно смелой позиции по делу, что помогло оказать значительное влияние на ситуацию.

Венсану Ламберу удалось избежать преждевременной смерти тогда, когда мы уже потеряли надежду. Повторяю, что именно ваша мужественная позиция внесла вклад в неожиданную развязку дела.

Сейчас мы работаем над тем, чтобы добиться перемещения Венсана Ламбера из комнаты в университетской больнице города Реймс, где по юридическим причинам он был вынужден находиться на протяжении последних трёх лет.

Мы думаем и надеемся, что ещё можно будет восстановить пострадавшую и разделённую семью, которая столько перенесла в результате неудачного и несправедливого медицинского решения.

Мы восстановили пероральную систему питания и гидратации Венсана, и теперь он в состоянии пить воду и другие питательные жидкости в небольших количествах. Новые улучшенные условия, несомненно, окажут положительное влияние на его состояние.

Это также означает, что уровень его сознания выше, чем нас могли уверять. Поэтому вопрос о необоснованном упорстве в лечении больше не актуален.

Как медицинский консультант родителей Венсана и от их имени выражаю вам горячую благодарность. У меня нет слов, чтобы выразить признательность за вашу стойкую преданность позиции, которую вы отстаивали с мужеством и решимостью.

С уважением и наилучшими пожеланиями».